

Когда с обложки книги на вас смотрит блистательно красивый и неизменно загадочный Александр Ширвиндт — успех этой книги уже обеспечен. Популярность актера огромна, его имидж привлекателен, остроумие общеизвестно.

Но на титульном листе любопытный читатель неожиданно обнаружит, что авторов у книги двое. Кто же тот отчаянный, тот смельчак, что не побоялся сорвет в лучах славы А.Ширвиндта? Это — Борис Поюровский, известный театральный критик, человек, беззаветно любящий театр и его верных подданных — артистов и зрителей. И все же так и хочется спросить, а зачем, собственно, А.Ширвиндту соавтор? И почему Б.Поюровский, немало повидавший на своем веку, не отважился на собственную книгу? Впрочем, вопрос этот скорее риторический, а потому не требует ответа. Кстати, название книги «Былое без дум» придумал именно Б.Поюровский, а хоршее название, как известно, половина успеха. Но уж если делиться успехом, то добрую четверть надо по справедливости отнести на счет торгово-издательского объединения «Центр-полиграф», выпустившего и оформившего книгу с изысканным вкусом.

А. Ширвиндт и Б. Поюровский — старые друзья, люди одного поколения и, что важнее, одной группы крови. Они были свидетелями одних и тех же событий в нашей истории и в нашем искусстве. Многие начинали вместе, вспомним хотя бы замечательные циклы вечеров в Доме актера: «Посиделки», «Театральные встречи», «Антиюбилей».

Совсем как в жизни, в своей книге они постоянно спорят подтрунивают друг над другом, уличают один другого в неточностях и за-

Маски, я вас знаю!

Вст. Москва. — 1994. — 15 июля. — С. 7.

бывчивости, не соглашаются в оценках. Но как настоящие джентльмены (недаром Ширвиндт всегда носит бабочку, а Поюровский до сих пор не знает, как завязывать галстук), они соблюдают этикет и, не в пример многим литераторам и политикам, не переходят на личности. И следить за этим остроумным поединком интересно, а главное — весело!

Странно было бы даже предположить, что А. Ширвиндт мог написать несмешную книгу. Как-никак, а две трети прожитых лет (а ему, невозможно поверить, 60!) открывал для себя и для других законы веселого жанра. Каждая страница его своеобразных мемуаров — это забавные истории из собственной жизни, жизни друзей и собратьев по театру. И все, о чем он рассказывает, ты видишь, словно в кино, кадр за кадром, эпизод за эпизодом. Вот, например, Московский театр сатиры впервые отправляется на гастроли в Италию. Ах Италия! Хрупкая мечта каждого интеллигента. Но увы! Наше суровое бытие всегда определяло наше отстающее сознание. И вечный вопрос, как провезти запасы продуктов через «их» таможню, стоял особенно остро. Один из самых «изобретательных» нашел «оригинальное» решение, запихнув коробки шпрот в футляр для баяна! Даже с помощью миноискателя смекалистые итальянцы не смогли определить содержимое этих запаянных, смахивающих на взрывные устройства сосудов. Тем не менее

их владелец был немедленно схвачен дюжими пограничниками. Назревал неслыханный скандал. Но наш не столь веселый, сколь находчивый соотечественник в мгновение ока перочинным ножом вскрыл одну из банок и на глазах потрясенных стражей порядка съел ее сомнительное содержимое, после чего всех остальных членов труппы с чемоданами консервов пропустили без досмотра!

Сколько же таких историй в запасе у Ширвиндта! Одна смешнее другой. Вот юный, но уже тогда несгибаемый Шурик не поддается нажиму любящих родителей и отстаивает гордое право не стать скрипачом, как отец; или забавная история счастливого обмена его бесперспективной коммуналки на хоромы в высотке. И, конечно, концерты, концерты, концерты, чаще шефские, реже за гонорар, который иногда выдавался скромным служащим Мельпомены так называемым «натурпродуктом» в виде яиц и кур. А каскад розыгрышей, которые обрушивал на своих друзей в дни их юбилеев неистощимый на выдумки Шура Ширвиндт!

Есть в этой книге глава «телефонная книжка»... Оказывается, что у соавторов в их личных записных книжках одни и те же номера телефонов, а стало быть, и друзья у них общие. В таком случае, кто о ком будет писать? Не бросать же, на самом деле, жребий? И дело вновь решается, как у приличных людей, — без конфликтов и распрей, а по сердечному сговору. Этот

нехитрый прием дает нам, читателям, радостную возможность еще и еще раз вспомнить с любовью Р. Я. Плятта и А. М. Эскина, искренне позавидовать дружбе с Зиновием Гердтом, Натальей Шпиллер, Александром Володиным, Эльдаром Рязановым, Григорием Гориным. Хочется воскликнуть: «Ба, знакомые все лица!» Но все дело в том, что предстают они в ином, очень личном, очень домашнем свете и потому становятся ближе, доступней и милей.

Читается книга легко, радостно, на одном дыхании, словно авторы ее не испытывали мук творчества, когда вспоминали о былом. Признаться, давно я так не смеялась до слез, до колик, до всхлипов. А когда перевернула последнюю страницу — вдруг загрустила. И правда, почему мне так грустно? — пытаюсь я понять. Может быть, потому, что за всей этой легкостью, искристостью, иронией неожиданно проступает то главное, что так умело и долго под маской холодного остроумца скрывал от нас настоящий Александр Ширвиндт — любовь и нежность к людям, великое сострадание ко всем знакомым и незнакомым, живущим трудно и мучительно, к тем, кто упорно барахтается, карабкается, но держится на плаву, не уезжает, не изменяет себе, не разменивает душу. И чтобы дарить всем этим людям улыбку, надежду и радость, работает в театре и кино, на эстраде и телеэкране артист Александр Ширвиндт. А Борис Поюровский без всякого имиджа сегодня и ежедневно откликается на любую боль и помогает в меру сил всем, кому может.

Спасибо вам, маски, что вы открыли нам свои лица.

Мария КРАСНЯНСКАЯ